

**Владимир
РЯПОЛОВ**

г. Воронеж

«Девы», «девушки» и «девки» в русской истории и литературе

Сейчас слово «девка» звучит грубо и даже оскорбительно. Но в царской России в нем не было никакого негативного смысла. «Девками» называли девушек из народа, как правило, крестьянских, которые уже вышли из детского возраста, но еще не стали замужними. Здесь хотелось бы вспомнить слова из народной песни, исполняемой до сегодняшнего дня, где события происходят именно в крестьянской среде, и именно на «селе»:

«Выйду на улицу, солнца нема, / Девки молодые свели меня с ума.

Выйду на улицу, гляну на село, / Девки гуляют, и мне весело...»

Известный русский лингвист, профессор Д.Н.Ушаков (1873–1942) в своем «Толковом словаре русского языка» относил слово «девка» к разряду просторечий, обозначая его: «то же, что и девушка» [1].

Однако в дореволюционной России сверстниц молодых крестьянок, но благородного происхождения никогда не называли «девками», а только «девушками».

Например, А.С. Пушкин в повести «Капитанс-

кая дочка» слова «девушка», «девка» использовал практически на одной странице, в одном эпизоде, и каждый раз слово носило свой определенный образ.

Описывая первую встречу главного героя повести Петра Андреевича Гринёва с Машей Мироновой, дочерью коменданта Белогорской крепости, Пушкин пишет: «Тут вошла девушка лет осемнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у нее так и горели» [2]. Здесь автор словом «девушка» прежде всего указывает ее пусть и не богатое, о чем мы увидим ниже, но благородное происхождение и, конечно же, юный возраст. То же отношение можно проследить и в романе Льва Толстого «Война и мир», где Наташа Ростова предстает пред нами в начале книги как «девочка» и уже «девушкой» на своем первом балу [3]. И далее у Пушкина, за обедом, когда мама Маши Мироновой Василиса Егоровна узнала о состоянии родителей Петра Гринёва, то она произнесла: «А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка, да слава Богу, живем поменьше». Здесь слово «девка» никак не выражает

возраст женщины, а употребляется в качестве обозначения социального положения человека, т.е. крепостной прислуги, где в качестве «девки» можно было проходить до 40 лет и больше. И тут же: «Одна беда: Маша девка на выданье, а какое у нее приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег, с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди себе в девках вековечной невестою» [4]. Здесь Александр Сергеевич употребляет чисто русские, народные выражения: «девка на выданье», «засидеться в девках», которые ни в коей мере не оскорбляют общественное положение Маши как дочери офицера, коменданта крепости. Автор рассказывает о ее пограничном возрасте, том возрасте, когда девушки в конце XVIII века выходили замуж. Опоздание грозило именно «засидеться»... По этому поводу ключница Фоминишна в пьесе А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся!» говорила: «Ишь ты, девка-то измаялась совсем, да ведь уж и время, матушка. Молодость-то не бездонный горшок, да и тот, говорят, опоражнивается. Я уж это по себе знаю. Я по тринадцатому году замуж шла, а ей вот через месяц девятнадцатый годок минет. Что томить-то ее понапрасну! Другие в ее пору давно уж детей повывели» [5].

Кстати, народное выражение «погулять в девках» использовал А.Н. Островский и в пьесе «Гроза», где Варвара, обращаясь к Катерине, говорит: «Молоду тебя замуж-то отдали, погулять-то тебе в девках не пришлось: вот у тебя сердце-то и не уходилось ещё» [6]. Да и вышеуказанный профессор Д.Н. Ушаков в своем «Толковом словаре» приводит пример народного речевого оборота, такого как: «Состарилась в девках».

Наравне со словом «девушка» в России нашло свое употребление и слово «девица», но носило оно чаще всего официальное значение в отношении молодых незамужних девушек достаточно высокого положения. Вспомним хотя бы всем известный дореволюционный Смольный институт благородных девиц или открытое в 1865 году в Воронеже (и не только в нем) Училище девиц духовного звания, далее переименованное в Епархиальное женское училище. В него принимались девочки-сироты или девочки из семей священников 10-12 лет, обучались семь лет и выходили с дипломом домашней учительницы или учительницы церковно-приходской школы. Нашло себя это слово и в литературе. Вспомним известное начало сказки А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане»: «Три девицы под окном / Пряли поздно вечерком». И здесь же в этой сказке, после поражения стрелой коршуна и спасения Лебеда: «Ты не

лебедь ведь избавил, девицу в живых оставил...» [7] А потом опять же всем известная пушкинская «Девица, Шамаханская царица» в «Сказке о золотом петушке» [8]. В поэтическом творчестве Пушкина девица чаще всего предстает как дама достаточно высокого положения, это или незамужняя царица, или претендентка на место царской невесты.

Другое слово «девы» в практической жизни не употреблялось. Это был литературный, а больше даже поэтический образ молодых мифических женщин, обладавших в высшей степени всеми достоинствами, такими как красота, ум, талант и пр., а также и религиозный образ, характеризующийся чистотой и непорочностью.

Не миновал этот образ творчества практически всех поэтов. Например, в творчестве А.В. Кольцова стихотворение «Песня» (1828): «Очи, очи голубые! / Мне вас боле не встречать!

Девы, девы молодые! / Вам меня уж не ласкать!» [9]

Или «Прекрасной поселянке» (1828): «Ах, чья ты, дева-красота?

Твои уста, твои ланиты / Такою прелестью открыты!» [10]

А.С. Пушкин такому образу посвятил стихотворение «Дева», начинающееся:

«Я говорил тебе: страшися девы милой!

Я знал: она сердца влечет невольной силой...» [11]

Нашло свое место слово «Дева» и в астрологии как знак зодиака, характеризующий человека идеалистом, стремящимся к совершенству.

Но вернемся на землю. Кроме того, в России вплоть до отмены крепостного права существовало понятие и «сенная девка», в котором никак не отражался возраст человека, а понималось его социальное положение. Историк Юрий Федосюк дал ему точное определение. Это были горничные девушки, в ожидании поручений обычно находившиеся в сенях. В обиходе их грубо называли девками [12]. Это понятие не было уничижительным и использовалось в повседневной жизни. Примером тому может служить написанная в 1859 году драма «Гроза» А.Н. Островского, в которой среди действующих лиц указана и «Глаша, девка в доме Кабановой» [13].

«Сенные девки» не работали в полях, а постоянно находились при доме помещика. Слово «сенная» никак не связано со словом «сено», а произошло оно от слова «сени». Сениями или сенцами называлось особое помещение при входе в русский дом, хату или избу. Они могли быть холодными или отапливаемыми, а иногда состояли

из двух частей. Например, на территории сеней мог находиться чулан – специальное помещение для хранения продуктов и часто используемой домашней утвари. Назначение сеней было очень важным. Они сохраняли тепло в доме. Воздух, нагретый в доме печами, не выходил сразу наружу, а задерживался в сенях.

Происходит это слово от старославянского «сень», т.е. укрытие, навес, полог. Вспомним известное стихотворение С. Есенина: «Есть светлая радость под сенью кустов / Поплакать о прошлом родных берегов...» [14], где слова «под сенью кустов» можно понимать как «в прохладе кустов».

Сенные девушки были обитателями сеней. Это была прислуга широкого профиля, которую хозяйка дома старались держать при себе. И.С. Тургенев в своем рассказе «Муму» так обобщил эту публику: «Старая барыня, у которой он (Герасим) жил в дворниках, во всем следовала древним обычаям и прислугу держала многочисленную; в доме у ней находились не только прачки, швеи, столяры, портные и портнихи, – был даже один шорник, он же считался ветеринарным врачом и лекарем для людей...» [15]

Такие служанки должны были днем или ночью услужить барыне, барину или их гостям. Да и воспитание дворянских детей не обходилось без участия прислуги, среди которой были и сенные девки. Вспомним известное произведение А.С.Пушкина «Арап Петра Великого», в котором писалось: «Дочери его (Г.А. Ржевского) было 17 лет от роду. Она была воспитана по-старинному, т.е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сенными девушками...» [16]

Как правило, барин следил за мужской половиной прислуги сам или через своего доверенного «ключника», женская оставалась на попечении барыни. Если у барыни не было своей опоры в лице «ключницы», то хозяйством она управляла сама. Еще в XVI веке сборник наставлений семейной и духовной жизни «Домострой» определял: «Также доглядывает госпожа за женками и девками в своем хозяйстве и замечает, и взыскивает, и жалуется, и наказывает...» [17]

Это же подтверждает, описывая быт и нравы русской семьи в XVI-XVII столетии и Н.И. Костомаров, выделяя наиболее приближенных к барыне девок: «Одна из прислужниц была приближенная к госпоже и называлась ее постельницей. Кормилицы и няньки были большей частью из прислуги и пользовались перед другими особым почетом. Одни из служанок – обыкновенно девицы – занимались исключительно вышиванием вместе с госпожой и другими особами хозяйско-

го семейства женского пола, другие, обыкновенно замужние – выполняли черные работы, топили печи, мыли белье и платье, пекли хлебы, приготавливали разные запасы, третьим поручалась пряжа и ткань» [18].

Что касается «ключницы», то это была, можно сказать, элита домашней и дворовой челяди. Она хранила все домашние ключи, выдавала челяди продукты и являлась, если переосмыслить выражение – «оком государевым» в доме помещика или помещицы.

Должность ключницы вошла и в русскую литературу через пьесу А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся!», где среди действующих лиц была вышеупомянутая «Фоминишна, ключница в доме Большова» [19]. Иногда «ключницу» даже называли «барской барыней», что можно прочесть у А.С. Пушкина в «Пиковой даме» [20].

Спали девки в сенях на лавках или просто на полу, на тюфяках, подстелив сено. Бывало, что сенные девушки находились очень близко к помещику. Они могли обитать в господских покоях или у их дверей на случай выполнения очередного каприза барина или барыни. Так, услышав ночью лай Герасимовой собачки Муму, барыня простонала: «Девки, девки! Девки! – Перепуганные девки вскочили к ней в спальню. – Ох, ох, умираю! – проговорила она, тоскливо разводя руками. – Опять, опять эта собака!.. Ох, пошлите за доктором» [21].

Некоторые помещики требовали, чтобы девка спала прямо на полу у их кровати. Так служанки могли быстрее реагировать на приказы, и барыне или барину не нужно было звать их из сеней. Вспомним, например, с какими словами укладывала спать помещица Коробочка гоголевского Чичикова из поэмы «Мертвые души»: «Ну, вот тебе постель готова, – сказала хозяйка. – Прощай, батюшка, желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Может, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал на ночь пятки? Покойник мой без этого никак не засыпал» [22]. И это тоже входило в обязанности сенных девок.

Круг обязанностей «сенных девок» был обширным. Они делали уборку в доме, стирали, чистили, подшивали, гладили одежду, вечером помогали раздеться барыне, как у пушкинской Лизаветы Ивановны в «Пиковой даме»: «Приехав домой, она спешила отослать заспанную девку, нехотя предлагавшую ей свою услугу, – сказала, что разденется сама...» [23], а утром помогали барыне одеться и расчесаться, нагревали и приносили воду для умывания и купания и вообще всегда были под рукой, чтобы выполнить любое приказание, находясь «на посылках».

Многие дворяне были избалованы и ленивы, поэтому предпочитали лишний раз не вставать с дивана или кресла.

Привлекали сенных девок и к работе на кухне. Когда в доме были гости и работы было много, сенные, помогая кухонной челяди, использовались в качестве официантов за столом. Чтобы прислуга не опозорила своих хозяев, ее часто обучали хорошим манерам. В некоторых случаях девки знали даже французский язык. Такая прислуга нередко оказывалась в числе особо приближенной.

Из «сенных девок» получались даже компаньонки барынь, которым те доверяли самое сокровенное. Так и у тургеневской старой барыни из рассказа «Муму» была своя компаньонка, с которой та по ночам обсуждала дела насущные: «Барыню так заняла мысль о Капитоновой свадьбе, что она даже ночью только об этом разговаривала с одной из своих компаньенок, которая держалась у ней в доме единственно на случай бессонницы и, как ночной извозчик, спала днем» [24]. Но, несмотря на высокую степень доверия, такие служанки все равно оставались крепостными. Помещики могли продать сенную девку, подарить или обменять наравне со скотиной. Как пишет Е.В. Первушина в своей книге «Петербургские женщины XVIII века»: «В газетах того времени нередко были такие объявления: «В приходе церкви Св. Николая чудотворца, в школе, продается 20-ти лет, собою видная и к исправлению горничной работы способная девка и хорошо выезженная верховая кобыла», «За 180 рублей продается девка двадцати лет, которая чистит белье и отчасти готовит кушанье. О ней, как и продаже подержанной кареты и нового седла, спросить на почтовом дворе», «За излишеством продается пожилых лет прачка за 250 рублей», «Продается молодая горничная девка, изрядная собой, умеющая шить золотом и готовить белье. Видеть ее и о цене узнать можно в Большой Миллионной у Конюшенного мосту в доме булочника под № 35, у дворника», «На Петербургской стороне в Малой Дворянской улице под № 495 продается горничная 13 лет девка, знающая все принадлежащее до горничных услуг и которая при том лица весьма приятно» [25].

Их часто насильно выдавали замуж. Вспомним все тот же рассказ «Муму», в котором старая барыня выдала замуж прачку Татьяну за беспробудного пьяницу Капитона Климова, объяснив свое решение словами: «Может, он остепенится» [26].

По прихоти хозяев девушка могла оставаться всю жизнь одинокой и не завести семью. За не-

послушание крепостной служанке грозили телесные наказания. Бывало, что, попав в руки садистов и садисток, девки могли даже погибнуть. Власти относились к таким убийствам достаточно терпимо и наказывали только «отличившихся» дворян, которые убивали своих крепостных десятками. Вспомним историю знаменитой Салтычихи.

Если сенная девушка выходила замуж, то ее переселяли в людскую. Это было отдельное помещение или особая пристройка к господскому дому, где жили семейные, имея свой угол. Случалось, что сенные девки вынуждены были исполнять интимные обязанности. Они согревали зимой барину постель и даже рожали от него детей. Если помещик был порядочным, то такие незаконнорожденные отпрыски получали образование и даже становились свободными людьми. Бывали случаи, когда между крепостной прислугой и молодым баринном вспыхивали настоящие глубокие чувства. Здесь можно вспомнить историю графа Шереметьева и крепостной актрисы Прасковьи Жемчуговой или судьбу живописца Ореста Кипренского (1782–1836), незаконнорожденного сына помещика А.С. Дьяконова и крепостной девушки.

Бывали случаи и трагические. Так, богатейший воронежский прасол (*оптовый торговец крупным рогатым скотом.* – **В.П.**) Василий Петрович Кольцов купил «по случаю» за пятьдесят рублей несчастную женщину вместе с девочкой Дуней. Мать девочки вскоре умерла, а Дуняша, выполняя обязанности прислуги, росла вместе с дочерьми Кольцовых. Все было бы хорошо, если бы не беда. Между ней и сыном Кольцова Алексеем Васильевичем (1809–1842), в будущем ставшим любимейшим поэтом России, вспыхнули настоящие глубокие чувства. Отец, желая «добра» сыну, во время его отсутствия дома продал Дуняшу, как тогда говорили, «за Дон», куда, неизвестно, о чем не рассказал даже до самой смерти. И, как писал В.Г. Белинский, лично знавший Алексея Кольцова: «Это несчастье так жестоко поразило его, что он схватил сильную горячку. Оправившись от болезни и признав у родных и знакомых деньжонки, он бросился как безумный в степи разведывать о несчастной. Сколько мог, далеко ездил сам, еще дальше посылал за деньги преданных ему людей. Не знаем, долго ли продолжались эти розыски; только результатом их было известие, что несчастная жертва варварского расчета, попавши в донские степи, в казачью станицу, вскоре зачахла и умерла в тоске разлуки и в муках жестокого обращения...

Эти подробности мы слышали от самого Кольцова в 1838 году. Несмотря на то что он вспоминал горе, постигшее его назад тому более десяти лет, лицо его было бледно, слова с трудом и медленно выходили из его уст, и, говоря, он смотрел в сторону и вниз...» [27]

В среде крепостных сенные девки считались своеобразной элитой. Часто их вес, в том числе и цена, возрастали, когда семья помещика перебиралась жить в город, особенно в столицу. Девки в таком случае сносно одевали, учили хорошим манерам, знакомили с дорогими платьями, которые нужно было надевать на хозяйку, затягивать корсет, ухаживать за волосами и пр.

Часто те же крепостные крестьяне сенных недолюбливали за то, что они были приближены к семье помещика. Случалось, что во время крестьянских бунтов сенные девки могли «попасть под горячую руку» и с ними расправлялись заодно с хозяевами. Но нужно сказать, что часто это была самая несчастная и бесправная категория людей. Они постоянно находились на виду, получали подзатыльники и оскорбления. Ни одно действие девка не могла совершить без разрешения хозяев.

Нередко особо приближенные к господам слуги становились невольными участниками семейных конфликтов, в которых оказывались «крайними». Недаром возникла поговорка «Паны дерутся – у холопов чубы трещат». Девка не могла ослушаться ни барина, ни барыню. Крепостные, работавшие в полях, чувствовали себя более свободными, чем сытые и хорошо одетые слуги, живущие в сенях и при опочивальнях.

Иногда слово «девка» носило вульгарный оттенок и представляло собой проститутку, падшую, развратную женщину. Это подтверждает и профессор Д. Ушаков в своем «Толковом словаре», приведя пример выражением «уличные девки» [28]. Вспомним по этому поводу всем известный роман Алексея Толстого «Петр Первый», в котором как раз и описывается такой персонаж: «Однажды завели его (Михайла Тыртова) к Покровским воротам в кабак. Не успел сесть, – из-за рогожной занавески выскочила низенькая девка с распущенными волосами: брови намазаны черно – от переносья до висков, глаза круглые, уши длинные, щеки натерты свеклой до синевы. Сбросила с себя лоскутное одеяло и, голая, жирная, белая, начала приплясывать около Михайлы, – манить то одной, то другой рукой, в медных перстнях, звенящих обручах.

Показалась она ему бесовкой, – до того страшна, – до ужаса, – ее нагота... Дышит вином, пах-

нет горячим потом... Михайла вскочил, волосы зашевелились, крикнул дико, замахнулся на девушку и, не ударив, выскочил на улицу» [29].

В настоящее время из всех вышеперечисленных слов наибольшее применение нашло слово «девушка». Оно обозначает не только возраст, но и стало даже своеобразным обращением к женщине, невзирая на ее возраст. Если до революции это была «сударыня», после революции бесполое и безликое «товарищ», то сейчас зачастую, например, к пятидесятилетней продавщице в магазине, можно услышать такое обращение: «Девушка, а сколько стоит...» и т.д.

Примечания

[1] Толковый словарь русского языка: в 4-х томах. Т. 1. / Под ред. проф. Д. Ушакова. М.: Терра, 1996. – Стлб. 668.

[2] А.С.Пушкин. Капитанская дочка / А.С. Пушкин // Сочинения в трех томах. Том третий. Проза. – М.: «Художественная литература», 1987. С.246.

[3] Л.Н.Толстой. Война и мир. Том второй. – М.: «Просвещение», 1981. С. 149.

[4] Там же. С. 247.

[5] А.Н.Островский. Свои люди – сочтемся! / А.Н. Островский // Художественная проза. Пьесы. – М.: Издательство «Правда», 1987. С. 94.

[6] А.Н.Островский. Гроза / А.Н. Островский // Таланты и поклонники: Пьесы. – М.: ИД «Комсомольская правда», 2008. С. 282.

[7] А.С.Пушкин. Сказка о царе Салтане / А.С.Пушкин // Сочинения в трех томах. Том первый. Стихотворения. Сказки. М.: «Художественная литература», 1985. С. 606, 610.

[8] А.С.Пушкин. Сказка о золотом петушке / А.С. Пушкин // Сочинения в трех томах. Том первый. Стихотворения. Сказки. М.: «Художественная литература», 1985. С. 650.

[9] А.В. Кольцов. Песня / А.В. Кольцов // «В мечтах не разуверюсь я...» Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2001. С.46.

[10] А.В.Кольцов. Прекрасной поселянке / А.В.Кольцов // «В мечтах не разуверюсь я...» Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2001. С. 49.

[11] А.С.Пушкин. Дева / А.С. Пушкин // Сочинения в трех томах. Том первый. Стихотворения. Сказки. М.: «Художественная литература», 1985. С. 241.

[12] Ю.А.Федосюк. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. – М.: Флинта: Наука, 2001. С. 152.

[13] А.Н.Островский. Гроза. С.267.

[14] С.А.Есенин. Есть светлая радость под сенью кустов / С.А. Есенин // Собрание сочинений в 2-х томах. Том 2. – М.: «Советская Россия», «Современник», 1990. С. 100.

[15] И.С.Тургенев. Муму. – М.: «Русский язык», 1988. С.10.

[16] А.С.Пушкин. Арап Петра Великого. / А.С.Пушкин // Сочинения в трех томах. Том третий. Проза. М.: «Художественная литература», 1987. С. 18.

[17] Домострой. – М.: Эксмо, 2007. С. 241.

[18] Н.И.Костомаров. Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. – Смоленск: «Русич», 2011. С. 178.

[19] А.Н.Островский. Свои люди – сочтемся! С. 66.

[20] А.С.Пушкин. Пиковая дама. / А.С.Пушкин // Сочинения в трех томах. Том третий. Проза. М.: «Художественная литература», 1987. С. 207.

[21] И.С.Тургенев. Муму. С. 32.

[22] Н.В.Гоголь. Мертвые души. – М.: «Детская литература», 1982. С.65.

[23] А.С.Пушкин. Пиковая дама. С. 203.

[24] И.С.Тургенев. Муму. С. 19.

[25] Е.В.Первушина. Петербургские женщины XVIII века. Сайт: ЛитЛайф. Режим доступа: <https://litlife.club/books/165033/read?page=1> Дата обращения: 05.04.2023.

[26] И.С.Тургенев. Муму. С. 10.

[27] В.Г. Белинский. Из статьи «О жизни и сочинениях Кольцова» // А. Кольцов. «В мечтах не разуверюсь я...» Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2001. С.354.

[28] Толковый словарь русского языка: в 4-х томах. Т.1.– Стлб. 668.

[29] А.Н.Толстой. Петр Первый. – М.: «Художественная литература», 1981. С. 48.

Владимир Николаевич РЯПОЛОВ

родился в городе Воронеже.

Окончил исторический факультет местного университета.

Сейчас работает реставратором старых книг.

Имеет более сотни публикаций в научных журналах

и альманахах «Сибирь», «Подъем», «Александръ»,

«Охотничьи просторы», «Врата Сибири» и др.

Является соавтором трех книг:

«Глас старины, ты сердцу дорог»,

«Храмы, часовни и приделы церквей России и зарубежья, освященные во имя Святого Митрофана Воронежского

и «Уста, смиренные молчаньем...».

В журнале «Север» публикуется впервые.

